

Двенадцать верст с

К 1000-ЛЕТИЮ ЯРОСЛАВЛЯ

Туристам и гостям города привычно показывают центр Ярославля. Но у нас есть не менее интересные места, о которых даже сами ярославцы забыли. Многие из них у всех перед глазами – по нынешнему проспекту Октября и Тутаевскому шоссе. Мое внимание на эту дорогу обратила научный сотрудник музея истории города Эмилия Алексеевна Капустина. Вдоль этой дороги, оказывается, столько достопримечательностей разных эпох, что, по ее мнению, тут можно было бы открыть новый внутригородской экскурсионный маршрут. Больше того, он может стать подарком Дзержинского района 1000-летию города. У нее уже и название есть: «По Большому Романовскому тракту».

Дорога эта известна очень давно, еще когда не было Тутаева, а был Романово-Борисоглебск. В свое время она связывала Ярославль с Рыбинском и Петербургом, в екатерининские времена была обсажена березами и кормила множество жителей окрестных сел и деревень, ремесленных и торговых людей. А начиналась эта дорога у Романовской заставы (около нынешней больницы шинного завода). К юбилею города предполагается установить памятный знак, напоминающий о том, что тут был выезд из города.

Коренная жительница Ярославля Эмилия Капустина собрала массу любопытных подробностей и в больших солидных книгах, и в книжечках, изданных крошечным тиражом, которые часто проходят мимо внимания исследователей, многое видела сама, многое знает от своей бабушки Юлии Федоровны Пономаревой, которая помнила Ярославль конца XIX – начала XX века.

Граница города проходила, напомним, по нынешнему проспекту Ленина – до самой Волги это был Городской вал. А дальше сразу начинался обширный Загородный сад. В начале прошлого века тут был ипподром. Места хватало не только для конных скачек, но и для других очень популярных тогда в городе состязаний – петушиных боев.

– У моего деда, мирового судьи Спасского околотка Василия Александровича Скорнякова, было два дома в районе нынешних улиц Рыбинской и Городской вал. Между домами – воляверы – специально для боя петухов. Он очень этим увлекался. – смеется Эмилия Алексеевна, – многие известные в Ярославле люди обращались к нему, чтобы завести такой же «курятник».

В том же Загородном саду помещался дом для одиноких, брошенных стариков, построенный на городские средства, позже он превратился в психиатрическую больницу, существующую до сих пор. Рядом находится больница имени Соловьева. Раньше в России было принято выносить больницы за пределы города. В том же районе построили больницу братья Голодухины и передали ее в дар городу (потом она превратилась в больницу «Автотранс»). Территория вокруг оказалась такой обширной, что в 1913 году на ней разместилась, выражаясь современным языком, ярославская выставка достижений народного хозяйства. Ее приурочили к 300-летию Дома Романо-

вых, выставку посетил даже царь Николай II.

В двух шагах отсюда сейчас парк моторного завода. Много лет тут базировалась опытная сельскохозяйственная станция.

– Следы грядок оставались вплоть до середины 1960-х годов, они доходили даже до улицы Свердлова!

Очередное название на исторической дороге – Полушкина роща, когда-то любимое место отдыха ярославцев. Где-то здесь, в кирпичном сарае купца Полушкина, Федор Волков ставил свои первые спектакли. На старых фотографиях роща больше похожа на лес – ствол к стволу огромные, великолепные сосны. Последнюю из них, зафиксировано у Капустиной, срубили в 1950-е годы рабочие завода «Полимермаш».

Череда следующих дальше предприятий не так скучна, как может показаться. «Лакокраска» – бывшая деревня Волкуши. В конце века городская Дума приняла решение, согласно которому Порфирию Оловянишникову надлежало вынести свое плохо пахнущее свинцово-белильное производство из центра (сейчас двор недалеко от музея Собинава) за городскую черту. Он выкупил землю у крестьян этой деревни, и почти все они пришли к нему рабочими.

Остановка «Парижская коммуна» рядом с одноименным предприятием.

– В прошлом это Бурчихинский завод, принадлежавший известным фабрикантам Дунаевым, их было целое семейство. Первоначально Дунаевы имели деревообрабатывающий завод в деревне около Рыбинска. Древесины там было много, причем дешевой, ее доставляли с Шексны. Дунаевы производили не только малярку, но и спички, древесина требовалась и для упаковки готовой продукции. Многие окрестные деревни вручную клеили спичечные корбки из тонкого шпона. Но потом Дунаев перевел предприятие ближе к Ярославлю, на Бурчихинский ручей, который впадает в Волгу. Он и сейчас «бурчит», очень шумный – отсюда и название. Норские сгонщики пригоняли сюда уйму леса, и удобно было этот лес обрабатывать. Деловой лес – тес, срубы, горбыль – Ярославлю, тогда в основном деревянному, всегда требовался: часто ведь случались пожары.

Завод сохранял свой «профиль» многие годы, был национализирован, в 1920-е годы получил новое, революционное название, но его владелец, один из братьев Дунаевых, еще долго после этого жил в Ярославле.

Дорога кормила не только тех, кто работал у Оловянишниковых и Дунаева, целые деревни занимались кустарными промыслами: делали повозки, сани. На Бурчихинском заводе действовала сушилка, которая доводила сырое дерево до нужной кондиции – так что Дунаев и на этом хорошо зарабатывал.

Одно из примечательных мест на Романовском тракте – село Ивановское. В нем церковь, известная тем, что с холма, на котором она стоит, по преданию, иннокентий Трифон увидел образ Богоматери на той стороне Волги. Позже там построили Толгский монастырь. В честь 900-летия Крещения Руси в Ивановское был поставлен красивый гра-

Дальше по дороге – Павловское. Оно служило местом отдыха ярославцев еще до революции и оставалось таковым до 1940-х годов. Великолепный парк из лиственных пород, в основном из берез, в войну практически весь был вырублен на дрова. После Победы школьники из Норского и других поселений Ярославского сельского района посадили его заново.

В парке была усадьба, принадлежавшая одно время семье Шишкину, по слухам, крестьянину одной из ближайших деревень, выкупившему ее у прежних владельцев. К нему приезжал художник Иван Иванович Шишкин, по всей видимости, состоявший с ним в родстве.

Романовская за

нитный камень с изречениями из Евангелия и золоченым крестом сверху. Камень стоял на постаменте, с чугунной оградой вокруг и исчез после революции.

Ивановское оставило свой след и в истории живописи, что Капустина тоже взяла на заметку. Художник Саврасов написал здесь картину «Разлив на Волге». И вторую – «Могила над Волгой».

– Дело в том, что у него умерла в Ярославле трехлетняя дочь, когда он жил здесь восемь месяцев. Ее похоронили на Ивановском кладбище – где именно, сейчас, к сожалению, найти невозможно. Долгое время картина «Могила над Волгой» (известная и как «Могила дочери») считалась утерянной. Совсем недавно ее обнаружила, что она находится в запасниках Барнаульского художественного музея. Очень хочется добиться, чтобы ее вернули в Ярославль. Но это сложно. Нужно действовать через общегосударственный художественный фонд, требуется официальный запрос от города. Тем не менее, наш долг – сделать все для возврата ее в Ярославль, может быть, в обмен на какую-то другую. Пока руководство нашего художественного музея к такому варианту не готово. Я считаю это просто несерьезным.

– И вот представьте себе, – Эмилия Алексеевна делает интригующую паузу, – в Норском, в доме культуры фабрики «Красный Перевал» вплоть до 1967 года висели подлинники Саврасова и Шишкина. И никто на них не обращал внимания. Совершенно случайно их обнаружил фабричный художник – как вы помните, раньше на каждом предприятии работал свой художник. Ярославский художественный музей быстро сориентировался и пополнил этими картинами свою коллекцию. Как выяснилось, они попали в дом культуры из усадьбы владельцев Норского мануфактуры (будущего «Красного Перевала») Прохоровых.

С Павловским, – продолжает она, – связано еще одно громкое имя, без которого нельзя представить историю Ярославля на рубеже веков. В начале XX века парк вместе с домом находился во владении Ивана Александровича Вахромеева, после смерти которого по завещанию дача перешла его вдове. Дом был прекрасный, благоустроенный, нарядный, с верандами, великолепным розарием, ракетной площадкой, собственным причалом.

В 1921 году у дачи появился новый хозяин – Северная железная дорога – тут был открыт во многом образцовый детский дом для детей-сирот Граждан-

ТЬ ВЕРСТ СКАЗКИ

Дорога кормила не только тех, кто работал у Оловянишникова и Дунаева, целые деревни занимались кустарными промыслами: делали повозки, сани. На Бурчихинском заводе действовала сушилка, которая доводила сырое дерево до нужной кондиции – так что Дунаев и на этом хорошо зарабатывал.

Одно из примечательных мест на Романовском тракте – село Ивановское. В нем церковь, известная тем, что с холма, на котором она стоит, по преданию, инок Трифон увидел образ Богоматери на той стороне Волги. Позже там построили Толгский монастырь. В честь 900-летия Крещения Руси в Ивановское был поставлен красивый гра-

Дальше по дороге – Павловское. Оно служило местом отдыха ярославцев еще до революции и оставалось таковым до 1940-х годов. Великолепный парк из лиственных пород, в основном из берез, в войну практически весь был вырублен на дрова. После Победы школьники из Норского и других поселений Ярославского сельского района посадили его заново.

В парке была усадьба, принадлежавшая одно время какому-то Шишкину, по слухам, крестьянину одной из ближайших деревень, выкупившему ее у прежних владельцев. К нему приезжал художник Иван Иванович Шишкин, по всей видимости, состоявший с ним в родстве.

ской войны. У них организовалась коммуна типа макареньковской. Дети переписывались с Крупской, она потом к ним приезжала, когда путешествовала по Волге. В 1930-е годы часть этой земли и зданий отошла к пригородному совхозу «Освобождение». Во время войны в одном из зданий открыли дом отдыха для выздоравливающих офицеров.

Много интересного знает Эмилия Алексеевна и про следующее по пути Скобыкино. По ее данным, этими местами владели одно время Карновичи, часть земель когда-то принадлежала Некрасовым.

– Каким? У нас Некрасовы все одни. Алексей Сергеевич,

для сдачи внаем и пятый для своей семьи. Каждый представлял собой резную дачку с башенками, мезонином, светелкой, залом и двумя-тремя спальнями. Их арендовали для своих гостей Прохоровы, к ним приезжал их родственник, знаменитый шахматист Алехин, гостили художники Валентин Серов, Корвин.

– Кто-то из них написал большую эту «Норское в Норе». У моей тетки в Москве на стене висела эта картина, подлинник или копия – не знаю. Глубокий овраг, желтая глина берегов, нежная зелень, голубая речка и маковки церковей. Какова судьба этой картины, тоже не знаю.

Феофан Ершов заложил тут великолепный питомник: насадил яблони, вишни, коринку, по склонам – тую. 85-летняя родственница Ершова жива до сих пор. В советское время эти пять домов отдали обкому КПСС, и в них стал санаторий для старых большевиков. Рядом возник совхоз имени Калинина с питомником, им руководил Нестеренко.

– Он разводил смородину, крупную как виноград, она у меня и сейчас на даче – сорт замечательный. Совхоз был участником ВДНХ, в Брагине неслучайно есть улица Выставочная. Весь Дзержинский район по сути на землях этого совхоза.

В недоброй памяти 1937 – 1938 годах рядом с пятью домами санатория построили еще один – двухэтажное здание управления Волгостроя. Эмилия Алексеевна с детства помнит действующий макет плотины, которая должна была тут встать – она демонстрировалась в Толгском монастыре, смотреть ее их семью возил папин друг Константин Смирнов, погибший потом в одном из колымских лагерей.

Но Волгострой ликвидировали, плотина встала в Рыбинске, а в волгостроевском здании открыли детский туберкулезный санаторий, просуществовавший до 1980-х годов. Ершовские дачи до 1990 года принадлежали обкому партии, а когда стали бесхозными, сгорели – по слухам, их поджег некий предприниматель.

Скобыкино буквально примыкает к корпусам бывшей норской фабрики, сейчас «Красного Перевала». Рассказ о ней – отдельная тема. Маршрут по старой дороге, с которым меня познакомила Эмилия Алексеевна, здесь кончается.

Но одно все-таки еще упомянуть нужно. Директором фабрики вплоть до революции был отец замечательной русской поэтессы Марии Петровых. Семья жила здесь же, и у нее есть замечательные стихи, посвященные этой самой дороге.

– По ней нужно не пешком пройти, а проехать на лошадиной паре, – мечтает моя собеседница. – Представляете, какое удовольствие и не только летом, но и зимой!

*Но от заставы Ярославской
До Норской фабрики, до нас,
Двенадцать верст
морозной сказкой
Под звездным небом
в поздний час.
Пустьерь кругом,
строенья редки,
Темнее ночь, сильнее мороз.
Чуть светятся седые ветки
Екатеринских берез...*

Татьяна ЕГОРОВА.

Романовская застава (фото начала XX века).

нитный камень с изречениями из Евангелия и золоченым крестом сверху. Камень стоял на постаменте, с чугунной оградой вокруг и исчез после революции.

Ивановское оставило свой след и в истории живописи, что Капустина тоже взяла на заметку. Художник Саврасов написал здесь картину «Разлив на Волге». И вторую – «Могила над Волгой».

– Дело в том, что у него умерла в Ярославле трехлетняя дочь, когда он жил здесь восемь месяцев. Ее похоронили на Ивановском кладбище – где именно, сейчас, к сожалению, найти невозможно. Долгое время картина «Могила над Волгой» (известная и как «Могила дочери») считалась утерянной. Совсем недавно я обнаружила, что она находится в запасниках Барнаульского художественного музея. Очень хочется добиться, чтобы ее вернули в Ярославль. Но это сложно. Нужно действовать через общегосударственный художественный фонд, требуется официальный запрос от города. Тем не менее, наш долг – сделать все для возврата ее в Ярославль, может быть, в обмен на какую-то другую. Пока руководство нашего художественного музея к такому варианту не готово. Я считаю это просто несерьезным.

– И вот представьте себе, – Эмилия Алексеевна делает интригующую паузу, – в Норском, в доме культуры фабрики «Красный Перевал» вплоть до 1967 года висели подлинники Саврасова и Шишкина. И никто на них не обращал внимания. Совершенно случайно их обнаружил фабричный художник – как вы помните, раньше на каждом предприятии работал свой художник. Ярославский художественный музей быстро сориентировался и пополнил этими картинами свою коллекцию. Как выяснилось, они попали в дом культуры из усадьбы владельцев Норской мануфактуры (будущего «Красного Перевала») Прохоровых.

С Павловским, – продолжает она, – связано еще одно громкое имя, без которого нельзя представить историю Ярославля на рубеже веков. В начале XX века парк вместе с домом находился во владении Ивана Александровича Вахромеева, после смерти которого по завещанию дача перешла его вдове. Дом был прекрасный, благоустроенный, нарядный, с верандами, великолепным розарием, крокетной площадкой, собственным причалом.

В 1921 году у дачи появился новый хозяин – Северная железная дорога – тут был открыт во многом образцовый детский дом для детей-сирот Граждан-

отец поэта, был страшный сутяга. Он у всех своих родственников прибирал все что можно. Старые ярославские газеты того времени полны сообщений о судебных тяжбах Алексея Сергеевича со своими родственниками. Возможно, он «отметился» и здесь, но требуются дополнительные исследования, пока это только предположение.

Про Скобыкино как название у нее тоже свое мнение. но уже твердое. Никакого помещика Скобыкина, как иногда говорят, не существовало. Там был причал для сортировки древесины, которую пригоняли с Шексны и с верховьев Волги. В кузнице делали скобы – не только те, которыми скрепляли плоты, но и специальные для ошкуривания древесины, которая приплывала «в виде дерёв», как говорили норяне.

Что касается домов в Скобыкине, по сути дач, то они еще на памяти многих ярославцев. В свое время часть рожи приобрел Феофан Ершов. Он родом из Романово-Борисоглебского уезда, подростком его отправили в Петербург. Служил мальчиком в магазине у родственника, дослужился до приказчика, в зрелые годы имел свою пекарню, дрожжевой завод, доходные дома в Петербурге. В начале 1900-х годов купил эту землю, построив на ней четыре дома